

В. Г. Белинский

Прокопий Ляпунов, или Междоцарствие в России...

Виссарион Григорьевич Белинский

Прокопий Ляпунов, или Междоцарствие в России...

Автор романов «Прокопий Ляпунов, или Междоцарствие в России» и «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в XVII столетии» (1833) – фрейлина О. П. Шишкина. О первом романе ее восторженный отзыв дал Жуковский. Белинский отозвался о нем вежливо-одобрительно: «Этот роман, сам по себе, весьма замечателен; он имеет большие достоинства». В рецензии 1845 г. критерий, естественно, стал другим: и тот и другой романы «не без достоинств», особенно первый – «для того времени». Основной мотив рецензии – признание «огромного шага», который сделала литература за десятилетие, и сильного изменения «вкуса публики», подчеркивается «огромное влияние» Гоголя на русскую литературу; новый роман Шишкиной признается явлением отсталым, оставшимся на уровне исторических романов середины 1830-х гг.

Содержание

#1	0005
Примечания	0015

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Прокопий Ляпунов, или
Междуцарствие в России...**

*ПРОКОПИЙ ЛЯПУНОВ, ИЛИ МЕЖДУ-
ЦАРСТВИЕ В РОССИИ, ПРОДОЛЖЕНИЕ
КНЯЗЯ СКОПИНА-ШУЙСКОГО. Сочине-
ние того же автора. Санкт-Петер-
бург. В тип. военно-учебных заведений.
1845. Четыре части. В 8-ю д. л. В I-й ча-
сти 219, во II-й – 236, в III-й – 252, в IV-
й – 278 стр.*

Почти десять лет прошло с того времени, как появился в свет роман «Князь Скопин-Шуйский», до настоящей минуты, когда появляется продолжение этого романа: «Проконий Ляпунов, или Междоцарствие в России». Десять лет – много времени, особенно для русской литературы – это почти целый век для нее! В самом деле, какой огромный шаг вперед сделала наша литература! как изменился вкус нашей публики в продолжение этих десяти лет! Кинем беглый взгляд на тогдашнее состояние русской литературы. В 1830 году явился «Юрий Милославский»{1}, в 1831 – «Рославлев» г. Загоскина; в этом же году выходят две первые части «Новика»{2}, в 1832 – третья, в 1833 – четвертая; в 1835 году – «Ледяной дом» г. Лажечникова. В эти же пять лет выходят романы: «Поездка в Германию» г. Греча, «Киргиз-кайсак» г. Ушакова, «Дочь купца Жолобова», quasi[1]-куперовский сибирский роман г. Калашникова, «Клятва при гробе господнем» г. Полевого, «Семейство Холмских», «Монастырка» г. Погорельского;{3} г. Вельтман открывает «Кощею бессмертным» длинный ряд своих археологически-фанта-

стически-аллегорически-поэтических романов;{4} является «Аббаддонна» г. Полевого; выходит вторая часть «Дворянских выборов» и «Шельменко, волостной писарь»{5}, «Были и небылицы» Казака Лугунского; в то же время выпускается полное издание повестей Марлинского; г. Погодин перестает писать повести и издает вместе все написанные прежде; г. Полевой пишет «Живописца», «Блаженство безумия», «Эмму»{6}. Некоторые из этих произведений были очень замечательны для своего времени, и даже в слабейших из них, не исключая ни приторно-сентиментального и скучно-резонерного «Семейства Холмских», ни ложно-идеальных повестей г. Полевого, есть свои хорошие стороны. Вообще, вся эта романическая литература носит на себе отпечаток переходности и нерешительности: в ней виден порыв к чему-то лучшему против прежнего, к чему-то положительному, но только один порыв, без достижения. Из этого не исключаются и «Повести Белкина» Пушкина, изданные в это же время. В то же время, среди всех этих более или менее однородных явлений, возникала совер-

шенно новая романическая литература, которая не имела ничего общего с первою и впоследствии окончательно убила ее, дав всей русской литературе совершенно новое направление. В 1831 году вышла первая, а в 1832 году вторая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в 1835 г. напечатаны «Арабески» и «Миргород», а в 1836 – «Ревизор». Нет нужды распространяться о том, какое огромное влияние имели эти произведения Гоголя на русскую литературу: только действительно слепые или притворяющиеся слепыми могут не видеть и не признавать этого влияния, вследствие которого все молодые писатели пошли по пути, указанному Гоголем, стараясь изображать *действительное*, а не в воображении существующее общество; из прежних писателей некоторые переменили свое прежнее направление, подчиняясь новому, данному Гоголем; а те, которые не были в состоянии этого сделать, или перестали вовсе писать, или продолжали писать без всякого успеха. Это совершилось в последние десять лет. Гоголь не издавал ничего после «Ревизора» до 1842 года, а дело шло своим чередом, и время луч-

ше всех критиков решило вопрос. «Мертвые души», заслонившие собою все написанное до них даже самим Гоголем, окончательно решили литературный вопрос нашей эпохи, упрочив торжество новой школы.

«Скопин-Шуйский» г-жи Шишкиной явился в 1835 году, когда старая романическая школа уже совершила свой круг, а новая, еще не быв признанною, уже оказывала сильное влияние. Роман г-жи Шишкиной был не без достоинств, особенно для того времени; но он далеко не мог спорить в достоинстве с романами, которые породили его. Проходит десять лет, все изменяется в литературе, как мы уже сказали об этом; журнальные корифеи начала тридцатых годов, «Телеграф» и «Телескоп», – теперь уже не более, как отдаленное воспоминание, «дела давно минувших дней»; {7} даже «Библиотека для чтения», сменившая их, уже дожила до глубокой старости; «Отечественные записки», долго колебавшиеся в своем направлении, наконец вполне овладели им, возмужали и укрепились; обо многом в это десятилетие было переговорено, переспорено, и во многом даже согласились, –

словом: все изменилось; но новый роман г-жи Шишкиной, «Прокопий Ляпунов», вышел верным 1835 году, так что, читая его, не веришь 1845 году, выставленному на его заглавии. Теперь этот роман принадлежит к числу тех произведений, которые не производят особенного впечатления, слегка похваляются, слегка почитываются и скоро забываются. Между тем он не без достоинств: написан правильным и чистым языком; рассказ местами хорош; историческая сторона его показывает основательное изучение истории, – но нет творчески очерченных характеров, нет поэтически верного проникновения в дух и значение исторической эпохи, нет эстетической жизни. Во многом заметен взгляд слишком далекий: так, например, в предисловии сочинительница, в доказательство, что нельзя верить бескорыстию Ляпунова, приводит, что он был дурным мужем и не всегда трезво вел себя, – как будто нельзя быть в одно и то же время и дурным мужем и ревностным патриотом! Без всякого сомнения, быть дурным мужем – не достоинство, а порок; но неужели патриот непременно должен быть ангелом и

иметь все добродетели? Если можно быть превосходнейшим мужем и отцом и в то же время вовсе не быть патриотом, почему же нельзя быть дурным мужем и патриотом? Конечно, гораздо лучше быть и хорошим мужем и патриотом вместе; но люди – прежде всего люди, что бы ни говорили на этот счет дамы... Что же касается до *нетрезвости*, этот порок в тот век не по одной России, но и во всей Европе считался добродетелью мужчины: тогда пили не по-нынешнему и хвалились пьянством, как храбростью. Лучшею оценкою нового романа г-жи Шишкиной могут служить ее собственные слова в предисловии:

Сама нередко удивляюсь, как решилась я писать исторические романы. Много требовалось на это трудов и терпения, много было мне забот и препятствий. Но высокая цель оживотворяла меня. Я считала святым вдохновением, призванием Божиим желание пробудить в благородных сердцах любовь к родному, часто заглушаемому иностранными наставниками и не совсем справедливою, но великолепною картиною нерусского образования. Истории

должно учиться. Она полезна, необходима. Все это знают, и никто об этом не спорит. Но и приятное развлечение часто необходимо для ума и для сердца. Историю не все читают, не все могут понимать и ценить важность происшествий государственных, но, читая «Ивангоэ», «Юрия Милославского» и им подобные исторические романы, всем приятно, мысленно переносясь в отдаленные века, как будто лично беседовать с людьми знаменитыми, среди семейств их, в их домашнем быту.

Видите ли: романы пишутся для приятного развлечения ума и сердца? «Юрий Милославский», без дальних околичностей, поставлен рядом с «Ивангоэ»?.. {8} Этим все сказано... Как действительно приятное развлечение для ума и сердца, «Прокопий Ляпунов» и теперь, конечно, найдет себе читателей и даже почитателей, – чего от всей души желаемы ему, как роману, написанному с целью, без всякого сомнения, благонамеренною и похвальною. Приводим несколько строк, как образец рассказа г-жи Шишкиной, местами не

лишенного интереса. Дело идет о допросе охотника, подозреваемого в покраже кубка у князя Шуйского. Еще прежде было пытано несколько человек.

Претерпев жестокие истязания, но ни в чем не признавшись, несколько человек лежали окровавленные; глухой их стон и вой их ближних раздирали души (ч. I, стр. 19).

Пропускаем допрос охотника и обращаемся прямо к делу: {9}

Резкий вопль снова смутил Козявкина. Он обернулся и на крыльце у ближней избы увидел нестарую, еще пригожую крестьянку. Узнав мать охотника, он с презреньем подумал, что напрасно встревожился, и велел воинам исторгнуть у молодого новгородца признание, когда и как украл он кубок и куда его спрятал. Любовь и ненависть, надежда и отчаяние попеременно изображались во взорах и чертах несчастной матери, болезненные ее вопли часто заглушали стон ее сына, но она была недвижима, она как будто приросла к крыльцу, или, лучше сказать,

все в ней окаменело, кроме головы и сердца.

Истерзанный охотник клялся в своей невинности; голос его ежеминутно слабел, но, кроме бесчеловечного Козявкина, никто бы не усумнился в истине слов его.

– Бог мне свидетель, – вскричал он, – что я вовсе не видал твоего кубка! Он рассудит меня с тобою, Клим Юдич!

– Ладно, ладно, – с неистовою усмешкою сказал Козявкин. По его приказанию воины принесли веревки и, опутав ими плечи охотника, потянули их назад. Кости страдальца захрустели, кровь забила ключом из треснувшей его груди. Воины отскочили в сторону. Умиравший упал навзничь; его подхватила мать, такая же бледная, так же до половины охолодевшая, как и он. Она положила его голову к себе на колена, прижала руку его к своим запекшимся губам, но не поцеловала его в лицо, боясь на минуту заслонить от него небо, откуда солнечный луч, прокравшись сквозь облака, прямо на него светил.

– Отнесите его в избу, – сказал Козяв-

кин, спокойно обмахиваясь шелковым платком, – дайте ему отдохнуть. Подняв охотника, воины хотели оттолкнуть мать его. Она им не противилась, но они не могли разогнуть ее рук, обвившихся около ее сына, и, принужденные нести вместе два тела, невольно вспомнили о своих матерях, которые также могли попасть в руки ожесточенных злодеев.

Примечания

Прокопий Ляпунов, или Междуцарствие в России... (с. 531–535). Впервые – «Отечественные записки», 1845, т. XXXIX, № 4, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 20–23 (ц. р. 31 марта; вып. в свет 1 апреля). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. X, с. 42–46.

Автор романов «Прокопий Ляпунов, или Междуцарствие в России» и «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в XVII столетии» (1833) – фрейлина О. П. Шишкина. О первом романе ее восторженный отзыв дал Жуковский (см.: «Соч. В. А. Жуковского», изд. 8-е, ч. VI. СПб., 1885, с. 624). Белинский отозвался о нем, полемизируя с С. П. Шевыревым (в статье 1836 г. «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя»), вежливо-одобрительно: «Этот роман, сам по себе, весьма замечателен; он имеет большие достоинства» (наст. изд., т. 1, с. 301). В рецензии 1845 г. критерий, естественно, стал другим: и тот и другой романы «не без достоинств», особенно первый – «для того времени». Основной

мотив рецензии – признание «огромного шага», который сделала литература за десятилетие, и сильного изменения «вкуса публики», подчеркивается «огромное влияние» Гоголя на русскую литературу; новый роман Шишкиной признается явлением отсталым, оставшимся на уровне исторических романов середины 1830-х гг.

Сноски

1

МНИМО (*лат.*) – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Неточность: «Юрий Милославский» появился в 1829 г.

[^^^]

2

То есть романа И. И. Лажечникова «Последний новик».

[^^^]

«Поездка в Германию. Роман в письмах» П. И. Греча (СПб., 1836); «Киргиз-кайсак» — повесть В. П. Ушакова (М., 1830); «Дочь купца Жолобова. Роман, извлеченный из сибирских преданий» — И. Т. Калашникова, ч. I–IV (СПб., 1831); «Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века», ч. I–IV (М., 1832) — роман Н. А. Полевого. «Семейство Холмских» — см. примеч. 23 к статье «Русская литература в 1843 году». «Монастырка» Погорельского — см. примеч. 6 к рецензии «На сон грядущий».

[^^^]

Ряд «археологически-фантастически-аллегорически-поэтических» романов А. Ф. Вельтмана: «Кощей бессмертный. Былина старых времен» (М., 1833) (см. о нем наст. изд., т. 1, с. 119); «Святославич, вражий питомец. Дива времен Красного Солнца Владимира» (М., 1835); «Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский» (М., 1836) (см. рецензию на него – наст. изд., т. 1, с. 483–488); «Райна, королева болгарская» («Библиотека для чтения», 1843, т. LIX) и др.

[^^^]

5

«Аббаддонна» — роман Н. А. Полевого (1834); см. рецензии на первое и второе издания его — наст. изд., т. 1, с. 370–375, и т. 3, с. 490–494. «Дворянские выборы» (М., 1830) и «Шельменко, волостной писарь» (М., 1831) — комедии Г. Ф. Квитки-Основьяненко.

[^^^]

6

Полное издание сочинений А. Марлинского (3-е изд.) вышло в 12-ти частях в 1838–1839 гг. См. статью Белинского о нем — наст. изд., т. 3. Повести М. Погодина были изданы им в 1832 г. (в 3-х частях). Повести Н. А. Полевого «Живописец» и «Блаженство безумия» появились в 1833 г., «Эмма» — в 1834 г. См. рецензию Белинского на сб. «Мечты и жизнь», включавший эти повести, — наст. изд., т. 1, с. 370–375.

[^^^]

7

Строка из песни I «Руслана и Людмилы» Пушкина.

[^^^]

8

«Ивангоэ» — роман Вальтера Скотта «Айвенго».

[^^^]

9

Здесь *дело* в том специфическом смысле, в котором оно выступало в старинном деловом языке в формуле «слово и дело государево», то есть для обозначения самых тяжелых государственных преступлений, злоумышления против государя, по которым велось расследование с применением пыток.

[^^^]

[^^^]